

К истории литературных связей России и Западной Европы: источники и особенности интерпретации образа Агасфера в русской литературе первой половины XIX века

Е. Е. Наумова

*Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия
e.naumova@my.mgimo.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются немецкоязычные источники образа Агасфера в русской литературе первой половины XIX века и исследуются особенности его интерпретации в произведениях русских писателей – в поэме «Агасвер» и романе «Последний Колонна» В. К. Кюхельбекера, а также в поэме В. А. Жуковского «Странствующий Жид». Автор прослеживает связь этих произведений с немецкоязычной литературной традицией, с творчеством представителей движения «Буря и натиск», а также выявляет особенности трактовки сюжета об Агасфере в русской литературе первой половины XIX века.

Ключевые слова: Агасфер, Вечный жид, В. К. Кюхельбекер, В. А. Жуковский, предромантизм, романтизм, вечный образ, Каин

Для цитирования: Наумова Е. Е. К истории литературных связей России и Западной Европы: источники и особенности интерпретации образа Агасфера в русской литературе первой половины XIX века // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 12 (880). С. 132–138.

Original article

On the Issue of Literary Connections between Russia and Western Europe: Sources and Interpretation of Legend of the Wandering Jew in Russian Literature in the First Half of the 19th Century

Elena E. Naumova

*Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russia
e.naumova@my.mgimo.ru*

Abstract. The article examines German sources of the image of Ahasverus in the Russian literature of the first half of the 19th century. It studies the peculiarities of its interpretation in the works of Russian writers – in the “Ahasverus, a Poem in Fragments” and the novel “The Last Colonna” by Wilhelm Küchelbecker, and also in the epic poem by Vasily Zhukovsky “The Wandering Jew”. The author traces the connection of these works with the German literary, in particular, with the works of representatives of the “Sturm und Drang” (“Storm and Stress”) movement, and reveals the features of interpretation of the Ahasverus plot in the first half of the 19th century Russian literature.

Keywords: Ahasverus, The Wandering Jew, Wilhelm Küchelbecker, Vasily Zhukovsky, pre-Romanticism, Romanticism, Literary Archetypes, Cain

For citation: Naumova, E. E. (2023). On the issue of literary connections between Russia and Western Europe: sources and interpretation of legend of the Wandering Jew in Russian literature in the first half of the 19th century. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(880), 132–138.

ВВЕДЕНИЕ

Легенда о неумирающем свидетеле земной жизни Иисуса Христа зафиксирована в европейских источниках начиная с XIII века. Человека, ударившего Христа и наказанного за это вечной жизнью, называли по-разному: Малх, Иосиф Картафил, Иоанн Буттадеос. Исследования легенды появились еще в конце XIX – начале XX века, в том числе и в России [Веселовский, 1880; Веселовский, 1885; Адрианова, 1915], но многое в ее происхождении до сих пор остается неясным.

В художественную литературу данный персонаж вошел под именем Агасфер¹, или Вечный жид², а источником стала народная книга «Краткое повествование о некоем иудее из Иерусалима по имени Агасфер...», вышедшая в 1602 году. Этот вариант легенды приобрел широкую популярность и стал основой последующих литературных версий.

К ВОПРОСУ О ПРОНИКНОВЕНИИ ОБРАЗА АГАСФЕРА В РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ

Легенда о Вечном жиде проникла в Россию в 1663 году «в виде перевода одного из позднейших изданий немецкой брошюры 1602 года» [Адрианова, 1915, с.232]. Несмотря на присутствие легенды об Агасфере в русском литературном дискурсе уже с XVII века, отечественные писатели начинают обращаться к ней лишь во второй половине 20 – начале 40-х годов XIX века. В 1826 году появляется стихотворение А. С. Пушкина «В еврейской хижине лампада...». В опубликованном в 1833 году романе А. Ф. Вельмана «Кошей Бессмертный. Былина старого времени» встречается образ Чудо-Юда, в котором угадываются черты Агасфера. С 1832 по 1846 год В. К. Кюхельбекер работает над поэмой «Агасвер», а в 1832–1845 годах пишет роман «Последний Колонна». А. К. Жуковский (Е. Бернет) в 1839 году публикует поэму «Вечный жид», а в 1841 году В. А. Жуковский приступает к поэме «Странствующий Жид». В 1844 году вышла книга В. Ф. Одоевского «Русские ночи», где один из персонажей, Джованни Баттиста Пирани, отождествляет себя с Вечным жидом, сравнивая бесконечные муки творчества с нескончаемыми страданиями Агасфера.

Появлению Агасфера в русской литературе мы обязаны влиянию немецкоязычной литературы, и в частности И. В. Гёте, в 1774 году задумавшем поэму «Агасфер», а в 1814 написавшем об этом

замысле в третьей книге «Поэзии и правды». Не случайно устойчивый интерес к образу мы обнаруживаем у В. А. Жуковского, «родоначальника “немецкой” школы русских поэтов» [Жирмунский, 1982, с. 77] и у В. К. Кюхельбекера, «проводника немецких поэтических влияний» [там же, с. 120].

Примечательно, что два поэта с не просто разными, а противоположными судьбами почти одновременно обращаются к одному и тому же сюжету, обнаруживая сходство замыслов. Оба писателя трудятся над поэмами об Агасфере в последние десятилетия жизни, пребывая в тяжелом моральном и физическом состоянии. Оба придают этим произведениям очень важное значение³. И тому, и другому смерть помешала закончить поэмы. Однако они всё же позволяют сделать выводы о причинах обращения к сюжету об Агасфере, и причины эти совпадают. Мифологема вечного скитания дает возможность говорить о вере в Бога как о единственной опоре человека. Бесконечная жизнь делает ее обладателя свидетелем брэнности всего земного. Успехи в стяжании земных благ теряют свою притягательность при мысли о неизбежности гибели всего материального.

Показательно, что и у Кюхельбекера, и у Жуковского тема Агасфера оказывается связана с образом Наполеона. Человеку первой половины XIX века корсиканец представлялся самым удачливым стяжателем власти и земной славы. В 1834 году Кюхельбекер пишет в дневнике, что толчком к возвращению к работе над начатой два года назад поэмой стало высказывание Н. А. Полевого о пьесе А. Дюма «Наполеон Бонапарт, или Тридцать лет из истории Франции». Далее он указывает, что одним из мест появления Агасфера в поэме будет «поле битвы после Бородинского или Лейпцигского побоища»⁴. В конечном итоге этот эпизод в произведении так и не появился. А вот в «Странствующем Жиде» Жуковского сосланный на далекий остров император – один из центральных персонажей.

ОБРАЗ АГАСФЕРА В ПОЭМЕ

В. А. ЖУКОВСКОГО «СТРАНСТВУЮЩИЙ ЖИД»

Над поэмой «Странствующий Жид» В. А. Жуковский начинает работать в 1841 году⁵, а с 1842 года интенсивно занимается переводом «Одиссеи». В по-

¹ Лат. Ahasverus.

² Англ. The Wandering Jew; нем. Der Ewige Jude (также Wandernder Jude); фр. Le Juif errant.

³ ...это будет моя лучшая, высокая, лебединая песнь (В. А. Жуковский. Письмо П. А. Плетневу от 1(13) сентября 1851 г.); «Вечный Жид» мой будет чуть ли не лучшим моим сочинением (В. К. Кюхельбекер, Дневник (1831–1845)).

⁴ В. К. Кюхельбекер. Дневник (1831–1845).

⁵ В письме П. А. Плетневу от 1(13) сентября 1851 года Жуковский сообщает, что «принялся за поэму, которой первые стихи ... были написаны тому десять лет».

эме о скитальце Агасфере Жуковский использует композиционный прием гомеровского эпоса о страннике Одиссее: Улисс повествует о своих приключениях царю Алкиною на острове Схерия, Агасфер рассказывает свою историю Наполеону на острове Св. Елены. Низложенный император видит в небе орла (символ власти) и готов шагнуть в небытие, бросившись с обрыва. Его удерживает Агасфер, переживший падение империй и побывавший на острове Патмос у Иоанна Богослова. Символ евангелиста Иоанна – это также орел. Образ Наполеона, выступающего в роли пассивного слушателя, у Жуковского почти не разработан; он имеет символическое значение, воплощая неизбежность утраты земного величия.

Как уже было отмечено, немецкая традиция оказывается определяющей в осмыслении образа Агасфера в русской литературе первой половины XIX века. В поэме «Странствующий Жид» связь с этой традицией очевидна. Н. Е. Никонова отмечает, что «...в круге чтения и личных знакомств (Жуковского – Е. Н.) присутствуют несколько тысяч немецкоязычных авторов» [Никонова, 2015, с. 5].

В рассматриваемом произведении Жуковского можно увидеть сюжетные параллели с поэмой предромантика К. Ф. Д. Шубарта «Вечный жид». Содержание поэмы Шубарта составляют поиски смерти Агасфером. У Жуковского он поначалу также активно ищет смерти. Как и у Шубарта, поняв тщетность этих попыток, он произносит проклятия в адрес Бога. Для поэта-штюрмера в первую очередь важна идея бунта человека против рока. Эстетика предромантизма предполагает самоценность активности человека в неподдающемся рациональному познанию мире. Это объясняет парадоксальность развязки поэмы Шубарта [Наумова, 2017]. Его произведение заканчивается неожиданным прощением Агасфера со стороны Всевышнего. В произведении поэта-романтика В. А. Жуковского образ Агасфера вписывается в категорию «романтический характер» – нелинейный, предполагающий возможность кардинальной трансформации. Приняв Крещение от евангелиста Иоанна, вечный скиталец обретает Бога. Его участь при этом не меняется, но существование обретает иное качество. Для него единение с Богом – это растворение в нем¹. Согласно романтической философии в таких отношениях с Абсолютом находится природа, реальный универсум [Шеллинг, 1966]. Обретя веру, Агасфер утрачивает индивидуальность и сливается с Богом; он со смирением и радостью принимает свою муку, бескорыстно любит лю-

дей и призван помогать им *словом*. Мифологема вечного странника не предполагает вариативности. Однако, не меняя судьбу героя, Жуковский показывает изменение отношения героя к своей участи, и в результате наказание перестает быть наказанием.

Любопытно, что попытки других писателей показать трансформацию образа, как правило, приводили к изменению сюжетной основы легенды. Так, в поэме французского писателя Э. Гренье (É. Grenier) «Смерть Вечного жид» рассказавшийся Агасфер получает прощение и обретает смерть, что ломает мифологему вечного скитания. Сейчас уже невозможно выяснить, как Жуковский собирался разрешить выявленное противоречие. Неясным остается и смысл «высокого предназначения», которое Агасферу открывает апостол Иоанн. Интересно, что в произведении другого французского автора, Э. Кинэ (E. Quinet), это предназначение состоит в том, чтобы стать родоначальником нового поколения человечества. Мистерия Э. Кинэ «Агасфер» появилась в 1833 году, и вполне вероятно, что при втором обращении к работе над поэмой В. А. Жуковский уже был знаком с этим произведением.

Говоря об особенностях интерпретации образа вечного странника в поэме Жуковского, следует также обратить внимание на сравнение участи Агасфера с «казнью скитальца Каина» (В. А. Жуковский. *Странствующий Жид*). Это также свидетельствует о типологической общности трактовки образа с европейской романтической традицией, довольно часто отождествляющей Агасфера с Каином [Vaugh, 1980].

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБРАЗА ВЕЧНОГО СТРАННИКА В ПОЭМЕ В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА «АГАСФЕР»

Работая над поэмой о вечном скитальце, В. К. Кюхельбекер также не избежал влияния гомеровского эпоса²: Однако еще более существенной оказывается связь сюжета поэмы «Агасфер» с упомянутым замыслом И. В. Гёте. Агасфер у Кюхельбекера, так же как и у Гёте, наделен умом, он признает в Иисусе мессию и возлагает на него определенные надежды. Свой проступок он совершает, разочаровавшись в Христе, не оправдавшем надежд. Очевидные параллели в трактовке легенды о Вечном жиде В. К. Кюхельбекером и И. В. Гёте вполне объяснимы. Кюхельбекер был

¹ Я с Ним, Он мой, Он всё, в Нём всё, Им всё; Всё от Него, всё одному Ему (В. А. Жуковский. *Странствующий Жид*)

² Начал я поэму «Вечный Иудей»; сочиняя вступление, заметил, что чтение Гомера осталось не без действия на мой слог (В. К. Кюхельбекер, *Дневник* (1831–1845)).

лично знаком с веймарским классиком и сыграл немаловажную роль в знакомстве с ним русских читателей [Тынянов, 1969]. Кюхельбекер читал «Поэзию и правду» Гёте, а значит был знаком с его трактовкой образа Агасфера: в результате размышлений о вере и религии, Гёте «пришла на ум занятная мысль эпически обработать историю Вечного Жида...изобразить...наиболее значительные моменты из истории религии и Церкви» (И. В. Гёте. *Поэзия и правда*).

Кюхельбекер как будто воплощает неосуществленный замысел Гёте, показывая переломные события в истории христианства. Свою «поэму в отрывках» он характеризует как «разрозненные звенья бесконечной цепи, которую можно протянуть через всю область истории Римской империи, средних веков и новых до наших дней» (В. К. Кюхельбекер. *Агасвер*). Агасфер у Кюхельбекера, так же как и у Гёте, «помышляющий только о житейском» (И. В. Гёте. *Поэзия и правда*), ожидает от явившегося Мессии действий, борьбы за свободу иудейского народа, надеется на создание рая на земле, а когда Иисус не оправдывает надежд, он отталкивает его от своего порога. Поставивший земное выше небесного, Вечный жид остается неизменным в меняющемся мире. Путешествуя из века в век, он жаждет увидеть падение веры в разочаровавшего его Бога, но постоянно оказывается свидетелем ее торжества. В третьем фрагменте поэмы он наблюдает за казнью приверженцев Христова учения во времена Траяна. Их вера оказывается сильнее страха смерти.

В следующем отрывке действие происходит в XI веке. Агасфер бросает умирающему папе римскому Григорию VII упреки в том, что тот подменил духовную власть, основанную на слове Божьем, властью земной, основанной на силе. Приняв упрек, понтифик всё-таки уходит из жизни с надеждой на спасение. Земными средствами он пытался утверждать торжество Бога, в то время как Агасфер попытался использовать Бога в земных целях. Первый умирает, обретая духовное бессмертие, второй же обречен вечно влачить свое материальное существование.

Пятый эпизод переносит нас в эпоху Реформации. Мартин Лютер предстает перед императором Карлом V на заседании Вормсского рейхстага. Все ожидают, что инициатора Реформации постигнет судьба Яна Гуса. Но услышав боговдохновенное слово «виттенбергского соловья» Карл V не решается предать Лютера смерти.

Дальнейшее действие поэмы разворачивается в период якобинского террора. Агасфер наблюдает расправу над нантскими священнослужителями.

К изумлению вечного странника, все они предпочитают смерть отречению от Бога.

Таким образом, в поэме В. К. Кюхельбекера постоянному изменению мира противопоставляется неизменность торжества веры в Бога. Используя кольцевую композицию, автор начинает поэму с размышления о недолговечности всего «житейского», а заканчивает апокалиптической картиной мира. В «Окончательном отрывке» мир превращен в пустыню. На руках Агасфера гибнет последний человек. Когда-то Христу в пустыне явился искушитель. Теперь «нетленный странник» Агасфер, сидя на гряде камней, ожидает второго пришествия Христа. Свидетель подошедшей к своему завершению мировой истории, статичный наблюдатель за меняющимся материальным миром становится живым аргументом в пользу утверждения о бессмысленности жизни, не освященной верой в Бога.

В образе Агасфера нет развития характера. Он всегда остается верен самому себе. И хотя в русской литературе того времени уже утвердился романтизм, художественный мир произведения создан по законам просветительской эстетики с ее характерными функциями. И всё-таки произведение нельзя считать чисто просветительским.

В. К. Кюхельбекер на долгие годы оказался лишенным непосредственного общения с коллегами по цеху, ему оставались только переписка и чтение. И у него появилось свойственное романтизму особое отношение к творимому художниками миру как к части шеллингианского идеального универсума. Взявшись за осуществление замысла Гёте, он призвал собратьев по перу, прежде всего своих соотечественников, к сотворчеству¹.

ОБРАЗ АГАСФЕРА В РОМАНЕ В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА «ПОСЛЕДНИЙ КОЛОННА»

Работая над поэмой «Агасвер», В. К. Кюхельбекер одновременно пишет роман «Последний Колонна», где Вечный жид – второстепенный персонаж. В романе также прослеживается связь с творчеством веймарского классика. Излагая свой замысел, он писал: «Щедрой рукою я придал ему (Вечному жида. – Е. Н.) ум и юмор еще одного башмачника, Ганса Сакса...» (И. В. Гёте. *Поэзия и правда*). Кюхельбекер в своем романе не просто связывает Вечного жида с Гансом Саксом, а

¹ «Это, собственно, не поэма, а план... для поэмы всемирной; автор представленных здесь отрывков считал бы себя счастливым, если бы мог быть просто редактором, по крайней мере между своими соотечественниками, хоть малой части столь огромного создания», – пишет Кюхельбекер в предисловии к поэме (В. К. Кюхельбекер. *Агасвер*).

отождествляет их. Кроме того, один из персонажей романа, священник Фра Паоло, излагает легенду об Агасфере в трактовке Гёте. В основе сюжета романа – любовный треугольник. Русский дворянин Юрий Пронский привозит в Россию итальянского художника Джиованни Колонну, тот влюбляется в невесту Пронского Надежду Горич. Не в силах совладать с чувством ревности, в день свадьбы Юрия и Надежды он устраивает пожар, в котором молодожены погибают. Пронский – благородный молодой человек, который из-за нежелания верить очевидному гибнет сам и губит свою невесту, противопоставлен Колонне. С любовным сюжетом переплетена тема искусства, взаимоотношений художника и почитателя его таланта. Всё это заставляет рассматривать произведение Кюхельбекера в русле романтической эстетики.

«Последний Колонна» – роман в письмах, имеющий полифоническое звучание. Кюхельбекер постоянно вынуждает читателя менять оптику, мы смотрим на происходящее глазами семи разных персонажей. Любовная история помещена в широкий культурный и литературный контекст, в котором важное место занимает искусство предромантизма. Так, Пронский читает роман Шиллера «Духовидец». В творчестве Колонны он видит продолжение традиций Сальватора Розы (1615–1673) – предтечи романтизма в живописи. Колонна пересказывает начальные строки баллады В. А. Жуковского «Светлана» и цитирует его же балладу «Кассандра». И даже провинциальная помещица Перепелицына в своем письме вспоминает Анну Радклиф, намекая на ее готический роман «Итальянец». Интересно, что в дневниках Кюхельбекера упомянуты еще два варианта названия романа «Последний Колонна» – «Италианец» и «Предчувствие». В первом случае очевидна отсылка к произведению Радклиф, второй вариант дает исходную точку для понимания проблематики романа. Дело в том, что почти все его действующие лица или предчувствуют трагедию, или получают предсказание о ней. В первом случае мы имеем дело с человеческой интуицией, во втором – с присутствием мистического в жизни. Джиованни Колонна вызывает недобрые предчувствия у слуг Пронского, Надежда Горич с первой встречи испытывает неприязнь к итальянцу. Да и самого Юрия в какой-то момент посещают дурные предчувствия.

Предчувствия в романе «Последний Колонна» совпадают с предсказаниями, причем предсказания – это, с одной стороны, продукт суеверий (сон Юрия в самом начале романа, святочные гадания), с другой – результат оккультных практик. И если в первом случае речь идет о русских персонажах,

то мистическая философия приписывается германскому гению. Так тема трансцендентного знания пересекается у Кюхельбекера с темой религии и национального характера. Главным предсказателем оказывается как раз Вечный жид, живущий в Дрездене. В жилище Агасфера гости видят изображения трех разных людей – Ганса Сакса (1494–1576), саксонца Якоба Бёме (1575–1624) и Джона (Джорджа) Фокса (1624–1691). У всех на портретах одно лицо, и это – лицо Агасфера, для воплощений которого Кюхельбекер выбрал трех сапожников, проповедников протестантизма, причем два последних могут быть охарактеризованы как философы-мистики¹.

Предсказание, данное Агасфером Джиованни Колонне, выражено одним словом – *Каин*. Услышав его, Джиованни начинает свыкаться с мыслью, что ему суждено совершить братоубийственный грех. Изображая преступление Каина в своих рисунках, он придает библейскому первоубийце собственные черты, а Авелю – черты Пронского. Более того, на рисунках всегда почему-то присутствует еще и Агасфер.

Ни предчувствия, ни предсказания не побуждают героев совершить попытку сопротивления року. И если Джиованни Колонна не может справиться с чувством ревности, то Юрий оказывается жертвой простодушия и любви к искусству. В этом отношении показательны слова, сказанные ему Вечным жидом: «Ты мечтатель, легкомыслен, тщеславен; нет в тебе больших пороков, да подчас слабости не лучше пороков» (В. К. Кюхельбекер. *Последний Колонна*).

Сближение образа Колонны с Каином, а Пронского с Авелем основано не только на противопоставлении злодея-убийцы и невинной жертвы: в обоих случаях мотивом убийства становится зависть. Связующим звеном между двумя парами оказывается Агасфер. И поскольку нередко Каин отождествляется с Агасфером, логично рассматривать Каина, Вечного жида и Колонну как типологически сходных персонажей. Все трое совершили свое преступление в отношении смиренных, добрых и близких людей. Правда, Агасфер выпадает из этого ряда, если причиной злодейства считать исключительно зависть. Но есть еще одна причина – недостаток веры. Каин обижается на Бога, который, как ему кажется, недооценил его жертвы. Агасфер сердится на Иисуса Христа, обманувшего его надежды. Джиованни Колонна, обладая даром Божьим, помышляет о житейской славе. Таким образом, мы приходим к той же идее, которая лежит

¹ Даты их жизни удивительным образом подходят для того, чтобы они могли служить воплощениями одного и того же человека.

в основе поэмы В. К. Кюхельбекера – утверждение веры в качестве единственной опоры земного существования человека и силы, способной отвратить его от зла.

Но если Каин – Агасфер – Колонна образуют триаду, и при этом Каину противопоставлен Авель, Колонне – Пронский, то очевидную противоположность Агасферу представляет Христос. Увидеть ипостась Христа в Авеле – праведнике, принявшем насильственную смерть, несложно. Сложнее увидеть параллель Христу в Пронском, и всё же она прослеживается. И здесь снова уместно вспомнить И. В. Гёте. У Гёте Агасфер обвиняет Иисуса в легкомыслии, неразумии, говоря, что тот сам виноват в своей смерти. Пронский тоже легкомыслен, а точнее – простодушен, и тоже в известной мере сам виноват в своей смерти. Христос приносит себя в жертву во имя вечной жизни; Пронский, не веря в «злодейство» гения, фактически приносит свою жизнь в жертву вечному искусству. Такое парадоксальное сравнение вполне в духе романтизма и, вероятно, выглядело бы красивым построением в духе философии Шеллинга, если бы не одно обстоятельство: жертвой легкомыслия Пронского оказывается еще и Надежда Горич.

И здесь необходимо вернуться к теме национального характера, которой в литературе романтизма, в том числе русского, уделено большое внимание [Федотова, 2011]. Итальянец Джиованни, «пламенный, необузданный» (В. К. Кюхельбекер. *Последний Колонна*), игнорирует предсказание еще и потому, что, будучи католиком, не верит

в предопределение. Рассуждая о русских, Колонна замечает, что «испуганное воображение поневоле увлекает их... в хаос, уму не доступный, отечество страшилищ и призраков...» (В. К. Кюхельбекер. *Последний Колонна*). Культурные различия могут приводить к трагическому непониманию: страсти Джиованни и впечатлительность Юрия Пронского вовлекают их в пространство хаоса, где череда событий перестает быть подконтрольной разуму и приводит к случайным жертвам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В России, где перевод немецкой народной книги появился одновременно с английским и французским, собственной национальной фольклорной традиции в связи с этим переводом не возникло, легенда о Вечном жиде воспринималась как чужеродное сказание, о чем свидетельствует запись в дневнике И. В. Киреевского [Киреевский, 1979]. Этим нарративом воспользовался А. Ф. Вельтман в романе «Кощей Бессмертный» (1833), где ассоциирующийся с Агасфером образ Чудо-Юда обыгрывается как некий инонациональный аналог персонажей русского фольклора.

Таким образом, русская традиция осмысления образа Агасфера, в отличие от других европейских литератур, восходит к немецкой не фольклорной традиции, а литературной, прежде всего связанной с именем И. В. Гете, хотя перевод немецкой народной книги и знакомство с этим образом в России, разумеется, не были случайны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Веселовский А. Н. Легенды о Вечном Жиде и об императоре Траяне // Журнал министерства народного просвещения. 1880. Вып. 7–8. С. 85–97.
2. Веселовский А. Н. К вопросу об образовании местных легенд в Палестине // Журнал министерства народного просвещения. 1885. Вып. 5. С. 166–183.
3. Адрианова В. П. К истории легенды о странствующем жиде в старинной русской литературе // Известия отделения русского языка и словесности императорской академии наук. 1915. Т. 20, кн. 3. С. 217–232.
4. Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. Л.: Наука, 1982.
5. Никонова Н. Е. В. А. Жуковский и немецкий мир. М.: Альянс-Архео, 2015.
6. Наумова Е. Е. Легенда об Агасфере и особенности интерпретации образа в немецкоязычной литературе XVIII–XIX веков // Филологические науки в МГИМО. 2017. Вып. 4 (12). С. 109–119.
7. Шеллинг Ф. В. Философия искусства. М.: Мысль, 1966.
8. Baugh, A. (Ed.). A Literary History of England: in 4 vols. (Vol. 4. The Nineteenth Century and after). Vol. 4 London: Taylor & Francis Ltd, 1959. 2nd ed.
9. Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М.: Наука, 1969.
10. Федотова Л. В. Утверждение национальной самобытности культуры в русском романтизме // Знание. Понимание. Умение. 2011. Вып. 2. С. 151–156.
11. Киреевский И. В. Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979.

REFERENCES

1. Veselovskij, A. N. (1880). Legendy o Vechnom Zhide i ob imperatore Trajane = Legends of the Wandering Jew and the Emperor Trajan. Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshhenija, 7–8, 85–97. (In Russ.)
2. Veselovskij, A. N. (1885). K voprosu ob obrazovanii mestnykh legend v Palestine = On the formation of local legends in Palestine. Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshhenija, 5, 166–183. (In Russ.)
3. Adrianova V. P. (1915). K istorii legendy o stranstvujushhem zhide v starinnoj russkoj literature. = To the history of the legend of the Wandering Jew in ancient Russian literature. Izvestija otdelenija russkogo jazyka i slovesnosti imperatorskoj akademii nauk, 3 (XX), 217–232. (In Russ.)
4. Zhirmunskij, V. M. (1982). Gete v russkoj literature = Goethe in Russian literature. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
5. Nikonova, N. E. (2015). Zhukovskiy i nemetskiy mir = Zhukovsky and the German World. Moscow: Alliance-Archeo. (In Russ.)
6. Naumova, E. E. (2017). Legend of the Wandering Jew and its interpretation in the German-language literature of the XVIII–XIX centuries // Linguistics & Polyglot Studies, 4(12), 109–119. (In Russ.)
7. Schelling, F. W. (1966). Filosofiya iskusstva = Philosophy of Art. Moscow: Mysl. (In Russ.)
8. Baugh, A. (Ed.). (1959). A Literary History of England: in 4 vols. (Vol. 4. The Nineteenth Century and after). London: Taylor & Francis Ltd. 2nd ed.
9. Tynyanov, Y. N. (1969). Pushkin i yego sovremenniki = Pushkin and his contemporaries. Moscow: Nauka (In Russ.)
10. Fedotova, L. V. (2011). The Set of National Culture Uniqueness in Russian Romanticism // Knowledge. Understanding. Skill, 2, 151–156. (In Russ.)
11. Kireevskij, I. V. (1979). Kritika i estetika = Criticism and aesthetics. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Наумова Елена Евгеньевна

преподаватель кафедры международной журналистики

факультета международной журналистики

Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Naumova Elena Evgenievna

Lecturer, Department of International Journalism, School of International Journalism

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)

Статья поступила в редакцию	14.08.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	18.09.2023	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2023	accepted for publication